

***X международная конференция
Теоретическая и прикладная этика:
Традиции и перспективы – 2018
ЭТИКА: ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ***

Санкт-петербургский государственный университет
Институт философии
Кафедра этики

Материалы конференции

15–17 ноября 2018 г.
Санкт-Петербург, Россия

***10th International Conference
Theoretical and Applied Ethics:
Traditions and Prospects – 2018
RETHINKING ETHICS***

***Saint Petersburg State University
Institute of Philosophy
Department of Ethics***

***Conference papers
St. Petersburg, Russia
November 15–17, 2018***

**«НАУЧНЫЕ СООБЩЕСТВА:
НОРМЫ, ЦЕННОСТИ, ПРАКТИКИ, КОММУНИКАЦИИ»**
«SCIENTIFIC COMMUNITIES: NORMS, VALUES, COMMUNICATION PRACTICES»

материалы круглого стола

в рамках реализации проекта, поддержанного РФФИ №18-511-00009 Бел-а «Научное лидерство и особенности его трансформации в условиях становления инновационной экономики в постсоветских странах (на примере России и Беларуси)»

Валуев Дмитрий Георгиевич

Аспирант, 1 курс, Крымский федеральный университет им В.И. Вернадского

**ТЕКСТОВЫЕ ПРАКТИКИ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ:
ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ЭТОСА НАУКИ**

Цифровая среда приобретает все большее значение для научного сообщества как пространство коммуникации по средствам написания научных текстов. Растет число электронных ресурсов и площадок для публикации научных текстов, социальные сети становятся местом размещения статей и заметок ученых, активно обсуждаются и критикуются. Цифровая среда, обладая такими характеристиками как «открытость» и «доступность», не только размывает, но и расширяет общую совокупность коммуникантов.

Научные тексты теперь не находятся в замкнутом пространстве научного сообщества. Они предоставлены широкому кругу читателей, массам, которые под воздействием переработки и их реинтерпритации иными лицами формируют определенное представление как об авторе, так и о науке в целом. Подобная реинтерпритация текстов при нормативном подходе, должна осуществляться самим научным сообществом. Однако, цифровая среда предоставляет доступ к реинтерпритации текстов лицам, не входящим в него. Этим могут быть как популяризаторы, так и все возможные любители. Фактически, они занимаются «научной журналистикой», т.е. переводом и реинтерпритацией научных текстов с помощью упрощения языка и обобщения результатов. Благодаря этому они получают широкий доступ к возможностям «принятия/отторжения» и «расчленения/обобщения» текстов, благодаря чему и формируют у основной массы определенное представление о науке. Обратной стороной этой деятельности является искажение основного замысла научного текста и его дальнейшая трансляция в видоизменённой форме.

В результате, сам автор оказывается перед лицом дилеммы: либо сохранять и отстаивать научный язык и объективность результатов, либо поддаться общей популяризаторской волне, благодаря чему получить возможность частично контролировать реинтерпритацию собственного научного текста. Подобная дилемма носит характер этической проблемы, заключающейся в противопоставлении «нормативной модели» научного этоса, или того как должно писать научные тексты исходя из норм и требований научной культуры, и общей тенденцией упрощения текстовых практик и их соотношению с реалиями цифровой среды и масс. Реализация текстовых практик, в свою очередь, попадает в зависимость от ситуации наличия «амбивалентных норм», сформулированных социологом Р. Мертоном. Они становятся процессом поэтапного разрешения этических противоречий и поиском либо компромиссных решений, либо принятием одной из указанных ценностно-нормативных концепций. Таким образом, мы можем поднять проблему того, как должен выглядеть научный текст в цифровой среде.

Галлямов Роман Ильмович

Магистрант, 1 курс, Санкт-Петербургский государственный университет

ПРЕДПОСЫЛКИ ПОИСКА ПРАКТИК СЕБЯ

В СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНЫХ СООБЩЕСТВАХ

Одной из важнейших практических задач философии и этики является воспитание этического субъекта, готового брать ответственность за свои действия. Важно то, что действия эти имеют не только характер социальных взаимоотношений, они также могут быть направлены на другие сферы, например, научные. Однако и с самим вопросом о воспитании дело обстоит не совсем однозначно. В раннем возрасте воспитанием занимается окружение ребенка, однако, когда человек начинает рефлексировать, для него открывается новая область деятельности – он сам: именно самовоспитание и практики себя, занимают важнейшее место в жизни человека на пути к этическому субъекту.

Не случайно взяты именно эти две сферы человеческой жизни, в XIX веке, когда в науку приходит идеал объективности, а в философии укрепляется позиция воли, в научный дискурс приходит этическая составляющая – практики себя должны выступать как самоограничение воли исследователя для подготовки к познанию, лишённого привнесения субъективности. Однако неверно говорить, что связь этики и эпистемологии появляется только в XIX веке. Как показал Фуко, история истины, которую мы знаем, начинается с «картезианского момента», который связан с тем, что Декарт разорвал связь между познанием истины и способом бытия субъекта познания, между эпистемологической и этической составляющими познания.

Что же было до «картезианского момента»? Для того, чтобы познать истину, нужно было изменять способ бытия субъекта. И, как раз для того, чтобы подготовить субъекта к истине, существуют практики себя. Мы можем увидеть их во многих античных философских, следовательно научных школах (пифагореизм, Академия Платона, Ликей Аристотеля, стоицизм, христианство и т.д.).

Цель доклада – привести ряд аргументов, доказывающих, что практики себя в современных научных сообществах не только возможны, но и необходимы. Таких аргументов будет три:

1) Во-первых, сам Фуко заявляет, что в связи с «картезианским моментом» нельзя говорить о том, что с этих пор мы больше нигде не встретим практик себя. То, что с ними произошло, можно скорее охарактеризовать как трансформацию, а затем подмену понятий. Например, такие практики себя можно найти и у Маркса, но здесь они заменяются социальными практиками (классовая, партийная принадлежность и т.д.).

2) Второй аргумент заключается в том, что для античных философов практики себя были тесно связаны с истиной, а значит с определенной философской позицией. Было бы неверным полагать, что современные ученые чужды всякой философии, в научных кругах возникают вполне философские вопросы, и многие ученые с ними сталкиваются. В пример можно привести вопросы о научном реализме и антиреализме, вопрос об объективности научного знания и, конечно, вопрос о природе истины. И подобно средневековому монаху, практикующему аскетический образ жизни сообразно пониманию Бога, современных ученых, чтобы придерживаться философской позиции, должен заниматься определенными практиками себя.

3) Наконец, третий аргумент принадлежит Хайдеггеру. В своей работе «Что такое метафизика?» он приходит к выводу, что наука игнорирует Ничто, поэтому она не сможетнастоящему заняться сущим. Но чтобы столкнуться с Ничто, необходима ситуация, которую Хайдеггер называет «ужасом». Хайдеггер не пишет о практиках достижения такого состояния, более того, он пишет, что ужас нельзя спровоцировать, он приходит самостоя-

тельно, однако человек, в нашем случае ученый, может к нему подготовиться, и как раз эта подготовка может считаться практикой себя, с которой должна начинаться наука.

Т.о. поиск практик себя представляется перспективным исследованием, которое позволит применить этический дискурс для исследования научных сообществ.

Гафарова Юлия Юрьевна

Кандидат философских наук, доцент

Белорусский государственный университет

ТРАНСКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В НАУЧНОМ СООБЩЕСТВЕ

Межгрупповое взаимодействие университетов и научных школ, относящихся к разным культурным доменам, традиционно рассматривается как зона низких коммуникационных рисков. В силу этого научное сообщество достаточно скептически относится к возможности неопределенного исхода транскультурной коммуникационной ситуации в научном сообществе. Предполагается, что такие основные коммуникационные риски, как информационные риски; риски, связанные с различными коммуникационными барьерами (семантическими, семиотическими, проксемическими), а также риски коммуникационного менеджмента, снимаются в рамках транскультурного сотрудничества учёных, которые являются членами «самокорректирующейся» общности, обладающей возможностями развития и «самообучения» и основанной на прозрачных и взаимно согласованных нормах и ценностях. Во внимание обычно принимаются лишь культурные различия субъектов и риски, связанные с возможностями неадекватной интерпретации невербальных знаковых систем.

Однако в условиях глобализации и вторичной модернизации ситуация выглядит не столь однозначной. Во-первых, нарастает вариативность интерпретации этоса науки, обусловленная региональными особенностями деятельности учёных. Сформулированные в 1942 г. Робертом Мертоном этические нормы CUDOS (коммунализм, универсализм, бескорыстие, оригинальность, организованный скептицизм) дополняются в сообществах постиндустриальных стран системой норм PLACE (право собственности на результаты работы; требование адекватного вознаграждения за результаты работы; работа связанная с заказами властных структур, коммерческих структур и экспертными поручениями), предложенной Джоном Зиманом в 1994-2000 гг. Исследователи постакадемического сообщества, вышедшего за рамки научных лабораторий, позитивно относятся к прикладному аспекту своих исследований, тогда как их коллеги из развивающихся и быстро развивающихся стран чаще ориентированы на оценку научного результата как самодостаточной ценности, что затрудняет коммуникацию и научное сотрудничество между школами. Во-вторых, несмотря на всеобщую ориентацию на идеал универсальной науки, реальность деятельности локальных научных сообществ во многом задаётся культурными переменными. Такие этические сомнительные практики, как плагиат, дублирование публикаций, нераскрытые изменения в протоколах исследований и т. д., несомненно, порицаются всеми. Однако исследователи, относящиеся к разным культурам, дают различные определения данных проступков, свидетельством чего являются широко известные споры о «гостевых» и «призрачных» авторах. Кроме того, представители различных культур могут иметь различные представления о том, что такое коррупция в научной деятельности и каковы измерения организационной культуры, профессиональной культуры и командных ролей в международных проектных группах. Отдельной проблемой является потребность в единых стандартах оформления исследований и академических текстов.

Дмитриев Игорь Сергеевич

Доктор химических наук, директор Музея-архива Д.И. Менделеева
Санкт-Петербургский государственный университет

ЭТИКА НАУКИ ВО СНЕ И НАЯВУ

Часто, рассуждая о тех или иных проблемах этики науки, специалисты вспоминают перечень этических норм ученого, предложенный американским социологом Р. Мертон в работе «Нормативная структура науки» (1942): универсализм; общность («коммунизм»); незаинтересованность; организованный скептицизм. Позднее, в работе 1965 года «Амбивалентность ученого» Мертон, учитывая критику коллег, отметил, что в реальной науке наличествуют как нормы, так и «антинормы», которых придерживаются ученые. Иными словами, ученый должен проявлять в отношении этических норм науки известную гибкость.

Мертон, по крайней мере, в своих поздних работах, исходил из того, что этические нормы соблюдаются учеными (если соблюдаются) не только и даже не столько по причине интериоризации, но и (и главным образом) в результате давления научного сообщества, угрозы применения последним соответствующих санкций к «отступникам». Однако, признавая факты отклонения от этических норм в научном сообществе, Мертон разделял оптимистическую точку зрения – в конечном счете, нарушения этики выявляются и пресекаются, да и вообще, нарушения эти – скорее исключения, нежели правило. Мне представляется, что реальная практика науки не дает оснований для такого оптимизма. Ученый, который бы следовал нормативам Мертона или иному набору «позитивных» норм, был бы, как заметил М. Махони, представителем нового биологического вида – Homo Scientus. Мой опыт историка (как и опыт моих коллег) показывает, что очень многие ученые, причем, из числа самых выдающихся (Галилей, Ньютон, Гук, Мендель, Менделеев, Эйнштейн и т.д. и т.д.) систематически нарушали нормы научной этики. В частности, они систематически «модифицировали», а подчас и придумывали нужные им эмпирические данные, замалчивали достижения коллег и предшественников, препятствовали публикациям и карьерному росту конкурентов и т.д.).

Надо сказать, что научное сообщество часто весьма толерантно и даже с благодушной (и понимающей) иронией относилось и относится к подобным ситуациям. Видимо, ученые осознают, что во многих случаях нарушение конвенциональных норм способствует развитию науки, да и победителей, как известно, не судят (по крайней мере, до того времени, когда уже «приговор» ничего» не меняет). Я думаю, прав был А.В. Юевич, утверждая, что «некоторые из этих норм (а на мой взгляд, практически все, по крайней мере, из мертоновского перечня. – И.Д.) не только регулярно нарушаются, но и вообще не могут быть соблюдены. В таких случаях сама норма служит абстрактным, декларативным принципом, а правилом научной деятельности является поведение, противоположное норме. Подобное поведение тоже может приобретать нормативный характер».

В этой связи позволю себе одну биохимическую аналогию. Передача нервного возбуждения между нейронами происходит благодаря нейромедиаторам, важнейшим из которых является ацетилхолин (АХ). АХ – сильнейший яд. В нормальной ситуации, как только АХ воздействовал на рецептор он тут же под действием специального фермента разлагается на «безвредные» части. Если нейтрализовать фермент, происходит накопление АХ, что приводит к гибели организма. Но если АХ образуется в недостаточном, то начинается болезнь Альцгеймера, т. е. разрушение мозга и гибель организма.

Роль «контрнорм» и этически девиантного поведения в науке в известной мере аналогична роли АХ в передаче нервного импульса: пока в науке есть гибкая система «сдержек и противовесов», она может успешно развиваться, несмотря на нравственно-психологические особенности поведения отдельных ученых и их сообществ.

Дорохина Римма Викторовна

Кандидат философских наук, доцент

Воронежский государственный технический университет

КОРПОРАТИВНАЯ ЭТИКА В СТУДЕНЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ FRATERNITAS TRADITUM

В статье поднимается тема возрождения одной из старейших форм академических организаций, студенческой корпорации. Воронежские студенты как прямые наследники дерптских студенческих традиций и обычаев создают новые корпорации по забытым, на территории России, старым образцам. Самостоятельно изучая историю студенческих объединений и движений современные, студенты объединяются в корпорацию, чтобы претворять в жизнь высокие цели, следовать моральным принципам и общечеловеческим ценностям. Fraternitas Traditum как студенческая корпоративная организация создает свою историю и устанавливает свои правила. Основные документы, регламентирующие деятельность корпорации, пишутся в процессе ее становления и соответствуют духу времени. Раскрывается этика взаимоотношений, цели, миссия, моральные принципы, часть обряда инициации.

Душина Светлана Александровна

Кандидат философских наук, доцент;

руководитель Центра социолого-наукоеведческих исследований,

Санкт-Петербургский филиал

Института истории естествознания и техники РАН им. С.И. Вавилова

«НАУЧНОЕ СООБЩЕСТВО»:

ГОРИЗОНТЫ СМЫСЛОВЫХ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ

РФФИ №18-511-00009 Бел-а «Научное лидерство и особенности его трансформации в условиях становления инновационной экономики в постсоветских странах (на примере России и Беларуси)».

В докладе будут проанализированы смысловые горизонты употребления понятийного конструкта «научное сообщество». Появившись в социологии науки в 30 – 40-х годах прошлого века, он использовался, прежде всего, для обозначения исследовательской автономии, самоорганизации ученых и необходимости дисквалификации какой бы то ни было гетерономии. В этом смысле конструкт «научное сообщество» используется по сей день, и его значение актуализируется, когда речь идет об изменениях в управлении наукой, источником которых выступают аутсайдеры – разного рода менеджеры с собственными критериями эффективности научной деятельности.

Иной смысл в понятие «научного сообщества» вкладывает Т. Кун. Научное сообщество в рамках устоявшейся дисциплины конституируется, прежде всего, научной периодикой – институтом научной коммуникации. Эмпирические исследования структур научных сообществ, активно проводившиеся в 60-е годы XX века, связаны с изучением формальной (журналы) и неформальной коммуникации, распределения цитирований. Таким образом, ключевым в понимании сообщества является коммуникация, интеракции, связь на основании единства.

Такого рода понимание научного сообщества относит нас к Новому времени, (Д. Прайс для репрезентации структур науки применяет метафору «невидимого колледжа») Р. Бойля, когда связь ученых осуществлялась через переписку, в которой были свои центры и контролеры, решавшие, что подлежит обсуждению, а что нет. Наука рождается из диалога и исследовательский результат проверяется в диалоге (достаточно вспомнить названия некоторых работ, например, «Беседы и математические доказательства, касающиеся двух новых отраслей науки» Галилея). Появившиеся из переписки в 17-м веке,

первые научные журналы стали институтом академического признания, легитимирующим новое знание. Добытые истины требовали публичного обсуждения, которое удостоверяло бы в правильности и спасало от заблуждения. Коммуникативное пространство, формировавшееся научной периодикой, становится воплощением коммуникативного разума, с некоторых пор неустрашимого из познавательного процесса, и научное сообщество выступает его определенным носителем.

Сегодня как никогда говорят о кризисе журнальной периодики, выражающемся во фрагментизации научной коммуникации и контрпродуктивности традиционных институтов, а также о необходимости новых форм научной коммуникации. Традиционным формам общения противопоставляют интернет-коммуникации. В связи с этим возникает вопрос, как ученые используют коммуникативные возможности интернет-сетей. Будут представлены результаты эмпирического исследования, проведенного на базе Центра социолого-наукоеведческих исследований СПбФ ИИЕТ РАН, направленного на выявление коммуникативных стратегий пользователей академических социальных интернет-сетей. Коммуникативные возможности сетей используются не столь значительно в сравнении с традиционными медиа, и научное сообщество как носитель коммуникативного разума плотно связано с традиционной печатной периодикой.

Куприянов Виктор Александрович

Кандидат философских наук,

Научный сотрудник, Санкт-Петербургский филиал

Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН

ЗАРОЖДЕНИЕ ПЕРВЫХ НАУЧНЫХ ЖУРНАЛОВ И ЛЕГИТИМАЦИЯ НАУЧНОГО ЛИДЕРСТВА НОВОГО ТИПА

РФФИ №18-511-00009 Бел-а «Научное лидерство и особенности его трансформации в условиях становления инновационной экономики в постсоветских странах (на примере России и Беларуси)».

Доклад посвящен истории возникновения первых научных журналов *The Philosophical transactions* и *Le Journal des Sçavans*. Будет проведено сравнительное исследование ранней истории данных журналов. Оба журнала возникли из неформальных коммуникаций ученых, прежде всего, частной переписки, и стали впоследствии главными институтами «республики ученых», обеспечивая научное признание и научное лидерство. Журнал, являясь специфически современной формой научной коммуникации, создал новую форму текстовой активности и, соответственно, новые коммуникативные практики. Стиль журнальной публикации стал характеризоваться краткостью и полемической заостренностью. С первых дней возникновения функции научных журналов заключались в создании научного архива, закреплении научного первенства, обеспечении возможности для максимально широкого и быстрого распространения нового знания. Важной целью научных журналов было обеспечение трибуны для открытой и свободной полемики. Данная особенность журналов указывает на новое понимание научного разума как разума публичного, который требует другого в качестве необходимой составляющей процесса познания. Данная особенность журнальной коммуникации в науке нашла отражение в философии И. Канта, в частности, в его максимах способности суждения. В этом отношении можно заключить, что классическая наука утверждает коммуникативность истины. В докладе утверждается, что именно интенция коммуникативности истины оказалась решающей потребностью, обеспечившей возможность появления нового института научной коммуникации – научного журнала.

Важной частью доклада является сопоставление условий возникновения и целей двух первых научных журналов. Указывается, что если *Le Journal des Sçavans* с первых же дней

своего существования оказался тесно связан с государственной властью, возникнув при активном участии Ж.-Б. Кольбера, то *The Philosophical transactions* были на начальном этапе исключительно частным предприятием ученого секретаря Лондонского королевского общества. В конечном счете государственное участие в оказалось решающим с точки зрения определения статуса *Le Journal des Sçavans*. Также и содержание двух журналов имело существенные отличия: если *The Philosophical transactions* оказались почти полностью естественнонаучным изданием, то *Le Journal des Sçavans* включал в себя также литературную, теологическую и метафизическую тематику, а также публикацию официальных объявлений (решений церковных и университетских судов). Однако оба журнала удовлетворяли, прежде всего, научным целям академического признания и обеспечения первенства. В этом отношении научный журнал оказался не просто местом обмена научной информацией, но также и точной сборки научного сообщества, в рамках которого принадлежность к элите стала определяться публикационной активностью в соответствующих журналах. Данная особенность журнальной коммуникации сохраняется и сегодня, хотя фактически бесконтрольная мультипликация научных журналов, а также стратегии по накрутке научных показателей размывают целевые ориентиры журналов и искажают подлинное публикационное поведение ученых, в связи с чем сегодня настойчиво ощущается потребность в новых институтах научной коммуникации.

В докладе предлагается уделить внимание особенностям форм научной коммуникации в журналах и показать их историческое развитие. Доклад стремится актуализировать также и современных кризис публикационной активности в науке.

Масланов Евгений Валерьевич

Кандидат философских наук, научный сотрудник

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского;

Институт философии РАН

НЕГУМБОЛЬТОВСКИЕ ЗОНЫ ОБМЕНА И ПОЗИЦИЯ УЧЕНОГО

РНФ №18-18-00238 «Негумбольтовские зоны обмена: идеи и проект новой научной инфраструктуры»

Формирование зон обмена [1, с.1098-1106; 2, с.20-29; 3, р.137-160] – пространств совместной деятельности и коммуникации – один из путей согласования деятельности и убеждений ученых, принадлежащих к различным культурам. В различных дисциплинах ученые обладают разными способами получения, обоснования и легитимации знания. Однако они имеют схожие ценности, связанные со стремлением получать достоверное и объективное знание, которое может быть адекватно передано другим участникам процесса научного познания. Эти ценности сформировались у них в процессе обучения, непосредственного освоения научных практик в университетских аудиториях и лабораториях. Согласование действий, убеждений и ценностей различных поколений ученых проходило в пространствах общих сразу для нескольких поколений. Они формируют достаточно сплоченную социальную группу. Основной массив коммуникаций ученых первоначально был сосредоточен внутри этой группы.

С начала XX века ученые стали активно взаимодействовать с другими социальными акторами. Достижения науки стали активно использоваться в промышленном производстве, биоинженерии, социальном конструировании и других сферах экономической и общественной жизни. В результате изменились и коммуникации ученых. Они оказались вынуждены взаимодействовать с социальными группами не связанными с наукой. В этих группах сложились свои собственные механизмы аргументации и легитимации полученных результатов, знаний и высказываний, сформировался свой собственный этос. В итоге этого взаимодействия сформировалась ситуация, когда особый эпистеми-

ческий статус ученых был поставлен под сомнение различными социальными акторами, а социальные акторы, ориентированные на взаимодействие с учеными, зачастую не понимали их язык, способы аргументации. Новое пространство взаимодействия с внеучеными акторами должно было распространиться за пределы университетских аудиторий и лабораторий – стать внеуниверситетским, негумбольтовской зоной обмена.

Результатом взаимодействия между научными и внеучеными акторами в негумбольтовской зоне обмена становится формирование новых практик взаимодействия между учеными и другими социальными акторами. Важным элементом согласования их деятельности и убеждений выступает формирование представления о специфической позиции ученого в рамках социального взаимодействия. Ученый хоть и обладает специфически эпистемическим статусом, но при этом существует достаточно большое поле социальных практик, которые не могут быть полностью описаны на языке науки. В этом случае негумбольтовская зона обмена может выступать пространством продуктивного диалога между различными акторам отстаивающими собственные эпистемические позиции и обладающие опытом решения практических задач.

Литература

1. Касавин И.Т. Интерактивные зоны: к предыстории научной лаборатории // Вестник Российской Академии Наук. 2014. Т.84. №12.
2. Дорожкин А.М. Проблемы построения и типологии зон обмена // Эпистемология и философия науки. 2017. Т.54. №4.
3. Galison P. Trading zone: Coordination action and belie // The Science Studies reader. Ed. Biagioli M. N.Y., 1999.

Самостийенко Евгения Валерьевна

Кандидат филологических наук, старший преподаватель

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

ЭТИКА И ЦИФРОВЫЕ СТРАТЕГИИ ПРОИЗВОДСТВА ЗНАНИЯ: ИНСТРУМЕНТЫ И АЛГОРИТМЫ НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ

РНФ №18-18-00238 «Негумбольтовские зоны обмена: идея и проект новой научной инфраструктуры»

Сегодня научная коммуникация тесно связана с цифровой сферой: существуют целые отдельные сферы, построенные на интеграции гуманитарного и технологического (например, Digital Humanities), ученые используют интернет и разрабатывают цифровые гуманитарные проекты, напоминающие своего рода виртуальные лаборатории, создают и используют специальных софт для сбора данных и аналитики (например, софт для качественного анализа текста Atlas.ti и NVivo) и применяют новые технологии для симуляции и моделирования сложных и глубинных процессов (например, глубинные нейросети).

Технологическое развитие в период после 1945 г. напрямую связано с военной сферой: интернет как децентрализованная система хранения и передачи информации была разработана военными учеными, а программа для обработки изображений, как пишет Фридрих Киттлер, создавалась для аэрофотосъемки. В 1960-е гг. Дугласом Энгельбартом была разработана система NLS, использовавшаяся для дистанционной работы группы специалистов, Тед Нельсон предложил использовать гиперссылки, Айвенюм Сазерлендом, создавшим планшет для графического проектирования Sketchpad, был заложен принцип прямых манипуляций (direct manipulation), Аленом Кеем – основы объектно-ориентированного программирования, а также в это же время были сформированы стандарты графического пользовательского интерфейса, пришедшего на смену интерфейсу текстовому. Все это в момент, когда транзисторы вошли в массовое производство, привело к появлению персональных компьютеров. Сами компьютеры, по мысли

Льва Мановича, являются «метамедиами» – специфическими пограничными объектами, состоящими из «железа», софта и данных. Именно это, с точки зрения Мэтью Фуллера, лежит в основе онтологии технического объекта.

Однако без понимания того, как технический объект функционирует и как он включен в социальные практики, невозможно понять, какого рода знание может быть произведено с помощью технических объектов, особенно если речь идет о софте, использование которого во многом определяет характер результатов взаимодействия людей в поле научной коммуникации. Философ техники Жильбер Симондон, в свою очередь, еще появления и распространения цифровой культуры (или «софт-культуры»), как ее называет Лев Манович) писал о том, что генезис технического объекта нельзя отрывать от постоянной возникающей практики, производимой с его помощью – практики, в которой, возможно, производится и сам технический объект. Другими словами, объектный статус технического объекта является проблематичным и требует эпистемологических уточнений.

В докладе планируется рассмотреть, как функционирует гуманитарное знание, хранящееся в свернутом виде в инструментах и алгоритмах, использующихся в сфере цифровых гуманитарных наук, а также вопрос о том, как такое знание влияет на коммуникационные стратегии в современной научной практике. В ходе доклада мы попытаемся показать, что технологии, использующиеся в науке в сфере гуманитарных наук, задают специфический режим использования языка в широком смысле, влияют на перераспределение внимания, тяготеют к нелинейным и расплывчатым стратегиям коммуникации и институционализации, а значит, заставляют поставить вопрос о том, какие изменения эта коммуникация повлечет за собой в этическом измерении.

Слюсарев Владимир Владимирович

младший научный сотрудник, Национальный исследовательский

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

АСОЦИАЛЬНОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ НАУКИ

РНФ №18-18-00238 «Негумбольтовские зоны обмена: идея и проект новой научной инфраструктуры»

Наука, как специфическая форма человеческой деятельности, несмотря на большое (во многом определяющее) значение методологии, в своей основе опирается на творчество. При этом, когда речь идет о прикладных науках, роль методологии значительно выше, чем в отношении науки фундаментальной. Поиски фундаментального знания в большей степени основываются на творчестве, одним из необходимых условий которого является свобода от ограничений – в том числе и ограничений этических. Результаты фундаментальных исследований слабопрогнозируемы (в ином случае они были бы лишены смысла) – их итоги представляют собой выражения творческого порыва и попытка предвидеть их, основываясь на предшествующем опыте представляется весь тщетной. По всей видимости, именно этот аспект не позволяет в какой бы то мере ввести науки целиком и полностью под действие правовых или этических норм. При этом отметим, что негативный эффект он научной деятельности (а он безусловен) прежде всего задан теми политическими, социальными и конъюнктурными ситуациями, которые превращают собственно открытие в научно-технический прогресс (Б.Г. Юдин). Открытие Э. Резенфордом ядерной реакции – великое достижение науки, создание Р. Оппенгеймером атомной бомбы – «вина» научно-технического прогресса. Иными словами, исследование фундаментальных проблем должно лежать за рамками этики и социальной ответственности – по всей видимости, для них необходимо отдельное социальное пространство, с одной

стороны, ограждающее их от зажатости и ограниченности этическими нормами общества, а, с другой, – охраняющими общество от вероятных результатов их деятельности.

Первое решается путем вхождения ученых в некоторую обособленную асоциальную общность. Необходимо отметить, что под асоциальностью понимается свобода от социального давления – в качестве единственного ориентира остается исключительно «моральный закон внутри нас». Ученый должен принимать решения основываясь исключительно на собственной нравственности, а не культурно-историческом бэкграунде моральных или правовых норм. Для этого, с одной стороны, необходимо освобождение фундаментальной науки от ряда юридических и бюрократических ограничений, подобно средневековым монастырям. Одной их причин развития науки в монастырях была, по всей видимости, свобода творчества – за то, что было дозволено исследовать в монастыре, простого обывателя могла ждать определенная кара. Разумеется, что подобный подход требует высокого уровня нравственности самого ученого, что, безусловно, должно быть отражено и в образовательном процессе. Однако, ученый в любом случае должен оставаться высоконравственным, хотя бы потому, что несет ответственность за истинность результатов своих исследований.

Решение второй составляющей задается путем разработки и внедрения социогуманитарных фильтров в рамки научно-технических проектов. Выход за рамки социальных норм приемлем и допустим, когда речь идет об исследовании, о поиске некой, относительно объективной, истины, но совершенно невозможен при разработке и внедрении технологий. Допустимо клонирование человека во имя поиска лекарства от неизлечимых болезней, но совершенно исключено – как обиденная социально-техническая технология. Наука должна оставаться «монастырем», ограниченной «стенами» гуманитарной экспертизы и гражданского общества. Разумеется, подобные рассуждения в большей степени утопичны, однако, позволяют говорить о формировании нового, открытого для внешней интерактивной экспертизы научного сообщества. Обладая той силой и могуществом, которое сегодня имеет наука, общество и культура не могут более допускать, чтобы она (наука) творилась за закрытыми дверями лабораторий. Отсюда следуют и моральные нормы науки – помимо истинности ее достижений, она в обязательном порядке должна обеспечивать открытость своих результатов.

Траханова Валерия Олеговна

Студент, 3 курс, Санкт-Петербургский государственный университет

НАУЧНЫЕ СООБЩЕСТВА: СОВМЕСТИМОСТЬ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ И ЭПИСТЕМИЧЕСКИХ ГРАНИЦ С ЦЕННОСТЬЮ НОВИЗНЫ

В развитии научного знания и практиках научной коммуникации можно обнаружить определенное противоречие. С одной стороны правила создания, распределения и применения знания, нормы взаимодействия ученых друг с другом и с внешними по отношению к науке субъектами задает уже существующее сообщество. С другой стороны, в числе ценностей, определяющих развитие научного знания, присутствует ценность новизны. Эта новизна должна каким-то образом появиться в контексте уже существующих правил. Новизна может быть частичной, вписанной в формат уже существующих рамок, и радикальной, связанной с понятием научной революции. Данное противоречие можно выразить тезисом отечественного эпистемолога М.А. Розова, описывающего механизмы развития научного знания «Мы все традиционны, и, тем не менее, происходит революция».

Среди норм функционирования научного этоса, сформулированных Р. Мертоном в работе «Нормативная структура науки», (коммунизм, универсализм, незаинтересованность, организованный скептицизм) именно последняя по большей части отвечает за возможность новизны. Однако мертоновские нормы представляют собой идеалы, они не

выводятся им из конкретных практик научного сообщества. Потому необходимо прояснить каковы конкретные механизмы, которые позволяют дополнить традиционность и даже консерватизм научных сообществ ценностью новизны и возможностью вхождения новых участников. Это дополнение не объясняется ни куновской теорией научных революций, где возникновение новой парадигмы связывается с полным отказом от старой и сменой ведущих членов научного сообщества. Объяснения нет и в попперовской теории фальсифицируемости, где провозглашается способность ученых на критику собственной установки, но не описываются конкретные способы поддержки такой критики в научном сообществе.

В докладе будет предпринят анализ тех конкретных правил научного сообщества, которые создают определенные ограничения для доступа новых членов и новых идей, а также тех, которые поощряют этот доступ. Будут приведены примеры практик функционирования современного отечественного научного сообщества. Этот анализ будет иметь отношение, во-первых, к правилам публикационной активности, включающим требования к статусу авторов и практики рецензирования. Во-вторых, к условиям финансовой поддержки научных коллективов. В-третьих, к кадровой политике в научных организациях, связанных с формированием коллективов, а также с процедурами защит квалификационных исследований. Будет показано, что, несмотря на стремление на формальном уровне совместить консерватизм научного сообщества и требование новизны, реальные проблемы и противоречия остаются и становятся даже более острыми.

Тульчинский Григорий Львович

Доктор философских наук, профессор

НИУ «Высшая школа экономики» – Санкт-Петербург

НАРАТИВЫ МИФОТВОРЧЕСТВА И ЭТИЧЕСКИЕ ПЕРФОРМАТИВЫ

Устойчивый характер мифо-нарративов связан с ценностно-нормативными константами, выражающими особенности исторического опыта конкретного социума. Тем более важным становится выявить факторы соотношения мифо-нарративов и порождаемой нравственной культуры. Такие факторы связаны с контекстом формирования и трансляции нарратива, с учетом этосов различных социальных групп. Задачей философии морали становится выявлять вопросы, на которые могут отвечать объясняющие мифо-нарративы в контексте актуальных проблем, общих всему социуму.

Чеботарева Елена Эдуардовна

Кандидат философских наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

ФИЛОСОФИЯ ИНЖЕНЕРИИ: НОВЫЕ ЭТИЧЕСКИЕ КООРДИНАТЫ

РФФИ №18-011-00920 «Революционные трансформации в науке как фактор инновационных процессов: концептуальный и исторический анализ»

В настоящее время активно развивается направление философии инженерии, разграничивающее свое пространство в поле философии науки и философии техники. Толчок этому развитию дал определенный поворот в отношении инженерной этики в начале 20 века, который поставил ряд философских вопросов о сущности инженерии как дисциплины и профессии.

С одной стороны, инженерия прочно укоренена в сфере технологий, которые традиционно рассматриваются как средство достижения внешних целей, нейтральное по отношению к добру и злу, а, следовательно, лишённое этического измерения. С другой стороны, с начала 20 века отношение к инженерам меняется; их сфера деятельности становится все более влиятельной и у них возникает потребность в выработке профессио-

нальных мировоззренческих координат, включающих в себя рефлексии и ответственность за последствия научно-технического прогресса вместо простого подчинения целям организации-работодателя. Этот процесс отражен целым рядом текстов и заявлений, среди которых можно отметить труды российского философа техники П. Энгельмейера, который отводил инженерам руководящую роль в управлении государством, президентское послание Дж.С. Морисона, выдающегося американского мостостроителя, Американскому Обществу гражданских инженеров (ASCE) в 1895 г., выдвижение первых инженерных кодексов в Америке (в 1912 г., кодекс сформулирован компанией «American Institute of Electrical Engineers», в 1914 г. свой кодекс сформулировало упомянутое выше ASCE), работу Эдвина Лейтона «Восстание инженеров» и т.д.

К началу XXI в. инженерия продолжила расширять сферы своего влияния, что отразилось в дебатах относительно определения понятия инженера и существования особой инженерной этики. Так, например, американский философ М. Дэвис, исследующий инженерные кодексы с помощью философской герменевтики, пытается философски обосновать содержание статуса «инженера» и доказать его отличия от статуса «технолога». Дэвис полагает, что инженерия содержит в себе «столько творчества, сколько его вмещает искусство, столько политики, сколько её есть в законе, и её можно рассматривать как прикладное приложение к науке не более, чем искусство и политику в этом качестве». Однако при попытке более точного определения понятия инженерии Дэвис отмечает, что у нее «не может быть философского определения, по крайней мере в классическом смысле, ухватывающего сущность инженерии, потому что нет у нее такой сущности».

Свой взгляд на понятие инженера и его этики вносит французская исследовательница К. Дидьер, работающая в рамках континентальной философии. Она показывает моральную насыщенность истории этого термина, который имел разные значения в эпоху Средневековья, начиная от «искусного мастерства», «умения», и заканчивая именованием дьявола и ведьм (*enghinhart* или *mal engeneor*, а также *engineresse*). Дидьер также цитирует слова французского епископа Альберта Руэ, который сказал на рубеже XX-XXI вв., что «инженер – это тот, кто находится в месте, где создается мир, где творение увековечивается». Важную роль в дебатах о понятии и этике инженера играют современные китайские философы. Так, для Ли Боцуна и Бао Оу философия инженерии является областью, аккумулирующей национальную культурную идентичность. Они рассматривают философию инженерии как интеллектуальное пространство китайской мысли, в отличие от европейцев, которые, по их мнению, мыслят в контексте философии техники и философии науки.

Очевидно, что понятие инженерии, соединяя в себе национальные истории и национальные перспективы, выходит за пределы дисциплинарной и профессиональной областей в сферы идеологии и этики и является актуальной темой для философского анализа.

Шиповалова Лада Владимировна

Доктор философских наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

ГРАНИЦЫ ОРГАНИЧЕСКОЙ СОЛИДАРНОСТИ В НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ

РФФИ №18-511-00009 Бел-а «Научное лидерство и особенности его трансформации в условиях становления инновационной экономики в постсоветских странах (на примере России и Беларуси)».

В докладе предлагается рассмотреть возможные способы исследования и организации научной коммуникации. При этом используются социологические термины, характеризующие общности и коллективы: органическая и механическая солидарность.

В первой части проявляется специфика употребления указанных терминов: дискуссии Ф. Тенниса и Э. Дюркгейма, сопровождающие их введение, рецепция их М. Вебером, а также последующая разработка возможности их применения к анализу дифференциаций внутри научного сообщества и научной коммуникации.

В общем виде различие органической и механической солидарности определяется в четырех аспектах:

- различие в степени разделения труда (большая степень свойственна органической солидарности);

- различие в способе связи структурных единств (функциональна взаимосвязь или относительная независимость);

- различие в способе связи персональных единств (рациональная или эмоциональная);

- различие в характере регулирующих взаимодействие норм, которые выражают баланс между социальными единицами или репрезентируют коллективное бессознательное.

Далее показывается, что неоднозначность в решении вопроса об адекватности применения механической или органической солидарности к научным сообществам связана с интерпретацией разделения труда в науке (между различными дисциплинами или учеными различных статусов), а также с вопросом о роли рациональных или эмоциональных факторов в научной коммуникации [1, p.438-454].

Однако трактовка органической и механической солидарности в научной коммуникации меняется, поскольку попадает в контекст междисциплинарных взаимодействий, а также соотносится с вопросом о возникновении инноваций. Разделение труда между научными специальностями и их взаимосвязь оказываются очевидными. В этом контексте механическая солидарность понимается как взаимодействие ученых, объединенных общим теоретическими и методологическими установками внутри одной специальности. Органическая же солидарность – как взаимодействие представителей различных специальностей, объединенных общей проблемой. [2, p.275-303]. Поскольку понятая в таком контексте механическая солидарность может быть соотнесена с нормальной наукой в куновском смысле, возникновение новизны и лидерство в науке будут определяться скорее практиками органической солидарности.

Современная научная коммуникация трактуется исследователями науки не только как профессиональное внутри научное взаимодействие, но и как внешняя коммуникация, включающая отношения с различного рода аутсайдерами, среди которых особое положение занимает публика, так называемые дилетанты. В докладе предлагается развернутый ответ на вопрос о том, насколько органическая солидарность может быть распространена и на коммуникацию экспертов с не профессионалами, каковы условия этого распространения, его необходимость, а также позитивные и негативные моменты, связанные с таким переступанием границ в понимании органической солидарности.

Литература

1. Downey K.J. The Scientific Community: Organic or Mechanical? // Sociological Quarterly. Vol.10. No.4. 1969.

2. Law J. The Development of Specialties in Science: The Case of X-Ray Protein Crystallography // Science Studies 1973. Vol.3. No.3.

Шкорубская Елена Геннадьевна

Ассистент, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

ПРОБЛЕМА РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

КАК РЕЗУЛЬТАТ ТРАНСФОРМАЦИЯ АВТОРСТВА НАУЧНОЙ СТАТЬИ

Институциональное становление научного знания, начиная с XVII вв. происходило, преимущественно, в поле публичной коммуникации, что во многом определяет значимость

репрезентации учёного в коммуникативном пространстве науки. При этом те практики, посредством которых учёный был представлен в научном сообществе, подвергались существенным изменениям, и существующая в настоящий момент академическая традиция сложилась относительно недавно. Коммуникативные нормы при этом претерпели существенную трансформацию, которая в перспективе может затронуть этос классической науки как таковой. В числе одной из наиболее явных проблем следует отметить трансформацию авторства публикации, а с ним и авторской ответственности. Особенно явно это представлено на примере научной статьи.

До появления научных журналов рукописи печатались в типографиях без какой-либо проверки, ответственность за сообщаемые сведения и за форму, в которой они были представлены, лежала на самом авторе. В дальнейшем, с институционализацией научной коммуникации и возникновением посредника-журнала, всё более значимыми становятся фигуры редактора и рецензента. Их влияние на конечную публикацию можно рассматривать в двух аспектах: во-первых, отказ или принятие материалов к публикации, и, во-вторых, внесение поправок непосредственно в содержание публикуемой статьи. Иногда требование правок может быть минимальным, или вообще отсутствовать – но и этот случай свидетельствует об определённой позиции редколлегии журнала и внешних рецензентов. Автор перестаёт нести единоличную ответственность за статью с тех пор, как публикация результатов исследования становится рецензируемой. Результаты научного творчества становятся принципиально коллективными, но не просто коллективными, а коммуникативными, поскольку публикация статьи является результатом коммуникации как минимум трёх акторов – автора, редактора и рецензента. Статья в любом научном журнале представляет позицию самого издания, так как она проявляется, прежде всего, в решении о принятии или отклонении работы. Репутация журнала определяется качеством статей, публикуемых на его страницах. И при этом публикация в журнале с высокой репутацией является определённым достижением для любого учёного. Именно здесь проявляется феномен взаимной репутационной ответственности автора статьи и редакции журнала.

Помимо расширения авторства при посредничестве журнала следует отметить ещё одно изменение адресанта сообщения, сопутствующее развитию научной коммуникации, а именно – возникновение соавторства. Увеличение количества соавторов колеблется от отрасли к отрасли, при этом естественнонаучные дисциплины заметно опережают гуманитарные. Рекордсменами в этом отношении являются биомедицина и физика высоких энергий – направления в науке, связанные с работой крупных исследовательских коллективов. Привычное понимание авторства, отождествляющее автора текста и автора исследования, при котором опубликованный текст является основным способом утверждения научного первенства, постепенно размывается. Б. Кронин, исследователь научной коммуникации, отмечает, что в некоторых случаях текст публикации может писать человек, не имеющий никакого отношения к конкретному исследованию. При этом «гиперавторство» не только не позволяет однозначно приписать ответственность за исследование определённому учёному или научному коллективу, но и открывает богатые возможности для поведения, противоречащего классическому этосу науки. Наиболее распространённое на данный момент злоупотребление, дарственное авторство, приводит к тому, что некоторые учёные числятся авторами тысяч статей, что, в свою очередь, искажает крайне значимый для науки принцип функционирования символического капитала.

Таким образом, институциональное оформление научной коммуникации в рамках научного журнала, привело к тому, что личная ответственность за результаты исследования начинается, с одной стороны, размываться в условиях посредничества редколлегии и рецензентов, а с другой стороны, особенно, в некоторых дисциплинах, полностью преобразует существующие практики публикации результатов исследования.